

Игумен Мефодий (Зинковский)

Православное понимание соборности и реалии современного мира

УДК 27-18:316

DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_171

EDN OCGGHE

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению свойства соборности как образа бытия человечества, заданного Святой Троицей. Соборность таинственна и ипостасна; как свойство и образ бытия уникальных Лиц в единой природе, она не может полноценно анализироваться вне координат ипостасно-природной онтологии. В жизни личности соборность реализуется как внутренняя «включенность» в жизнь Церкви через «воипостазирование» Божественных энергий. Путь к соборности лежит через преодоление индивидуализма и эгоизма. Как способ обладания истиной, соборность является и способом познания этой истины, а также признаком принадлежности личности к Церкви. В статье рассмотрены нарушения принципов соборности Римско-Католической Церковью в исторической перспективе и Константинопольским патриархатом в современной жизни, проанализированы аспекты соборности применительно к таким реалиям современности, как познание истины, понимание смысла и принципов жизни, преодоление эгоизма, индивидуализма, страдания и одиночества. Отступление человека от Божественного образа бытия, впервые происшедшее в грехопадении праотцев, все более увеличивается. Человек, как правило, рассматривается с точки зрения его «экономической эффективности», как индивидуум, имеющий отдельную природу, жизнь которого строится на принципе выгоды, подчинения себе других, деления неделимого поля общей природы. Каждый из нас имеет Божественное призвание услышать в себе вечную жизнь, ощутить единство со всяким человеком и встать на путь возвращения к идеалам соборности.

Ключевые слова: соборность, Святая Троица, Церковь, общество, научно-технический прогресс, аксиология, индивидуализм, эгоизм, выгода, одиночество, полиипостасность, единство.

Об авторе: **Игумен Мефодий (Зинковский Станислав Анатольевич)**

Доктор богословия, кандидат технических наук, ректор Николо-Угрешской духовной семинарии; профессор института теологии при СПбГУ.

E-mail: m.zink@yandex.ru; s.zinkovsky@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5221-544X>

Для цитирования: Мефодий (Зинковский), игум. Православное понимание соборности и реалии современного мира // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 171–181.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 17.07.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2023

Hegumen Methodius (Zinkovsky)

Orthodox Understanding of Conciliarity and the Realities of the Modern World

UDK 27-18:316
DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_171
EDN OCGGHE

Abstract: The article is dedicated to examining the property of conciliarity as an image of humanity's existence, determined by the Holy Trinity. Conciliarity is mysterious and hypostatic; as a property and image of the existence of the unique Persons in one nature, it cannot be fully analyzed outside of the coordinates of hypostatic-natural ontology. In a person's life, conciliarity is realized as an inner «inclusiveness» in the life of the Church through «hypostatization» of Divine energies. The path to conciliarity includes overcoming individualism and egoism. As a means of acquiring the truth, conciliarity is also a means of cognition of this truth and a sign of a person's belonging to the Church. Examined are violations of the principles of conciliarity by the Roman Catholic Church in a historical perspective and by the Patriarchate of Constantinople in contemporary life. Analyzed are some aspects of conciliarity in relation to contemporary realities such as cognition of the truth, understanding the meaning and principles of life, overcoming egoism, individualism, suffering, and loneliness. Humanity's deviation from the Divine image of existence, which first took place in the fall of our first parents, continues to increase. As a rule, a human is viewed from the perspective of their «economic efficiency» as individual with a separate nature, whose life is based on the principle of self-interest, subjugation of others, and division of the indivisible field of the common nature. Each of us has a Divine vocation to reveal the eternal life within ourselves, to experience unity with every human being, and to embark on the path of returning to the ideals of conciliarity.

Keywords: conciliarity, Holy Trinity, Church, society, scientific and technological progress, axiology, individualism, egoism, self-interest, loneliness, polyhypostasis, unity.

About the author: **Hegumen Methodius (Zinkovsky Stanislav Anatolyevich)**

Doctor of Theology, Candidate of Technical Sciences, Rector of the Nikolo-Ugresh Theological Seminary, Professor at the Institute of Theology at St. Petersburg State University.

E-mail: m.zink@yandex.ru; s.zinkovsky@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5221-544X>

For citation: Methodius (Zinkovsky), hegum. Orthodox Understanding of Conciliarity and the Realities of the Modern World. *Khristsianskoye Chteniye*, 2023, no. 4, pp. 171–181.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 17.07.2023.

Постановка проблемы

Человек в современном мире испытывает нарастающее влияние научно-технического прогресса и, как правило, рассматривается прежде всего с прагматической точки зрения, в ракурсе экономической пользы, как субъект системы предоставления и потребления информации и услуг. Подобная «прикладная» установка далеко не безобидна и влечет за собой искажение системы человеческих ценностей, нарастание тенденций эгоизма, индивидуалистического образа жизни на разных уровнях общества, включая жизнь отдельного человека, семью, систему образования и государственность. В то же время проблемой человека становится все более острое ощущение одиночества, незащищенности и уязвимости. В противовес подобным тенденциям христианское мировоззрение, где человек видится как образ Божий, являет совершенно иное понимание человеческих жизненных смыслов и взаимоотношений, выстраиваемых по образу отношений Лиц Святой Троицы, которые можно обозначить, в частности, термином «соборность».

Соборность как свойство Церкви и основа христианской жизни

Соборность, или кафоличность (от греч. καθολικός), в Символе веры упоминается как одно из ключевых свойств Церкви. Мы веруем «во Едину, Святую, Соборную (Καθολικὴν) и Апостольскую Церковь» (9 чл.). По мнению выдающегося православного мыслителя XIX в. А. С. Хомякова, заслугой которого является введение слов «соборный», «соборность» в научный оборот (см.: [Хомяков, 1886; Хоружий, 2002, 157–158]), именно эти слова представляют собой наиболее удачный перевод греческих терминов «кафоличный», «кафоличность».

Как отмечает прп. Иустин (Попович), «православной, истинной соборности нет без единства, без святости, без апостольства» [Иустин Попович, 1926]. И хотя все эти свойства и отражаются в свойстве соборности, соборность не отождествляется ни с единством, ни со святостью и ни с апостольским преемством. Не отождествляется соборность и с таким свойством Церкви, как вселенскость, не упоминаемым в Символе веры, хотя известны попытки и такого перевода слова «καθολικὴν». Так, в свое время А. С. Хомяков, поясняя церковное свойство кафоличности, употребил два русских слова — «соборная» и «вселенская», ввиду сложности перевода греческого термина, откуда, возможно, первично и возникла возможность их смешения¹. В некоторых катехизисах «καθολικὴν» переводится как «вселенская» вместо «соборная». Однако эти свойства хотя и связаны, но существенно различны.

По слову проф. В. Н. Лосского, в нашей мыслительной деятельности существует такое опасное явление, «как поверхностная ясность» [Лосский В., 2006, 699], когда, лишь поверхностно восприняв понятие или информацию, мы совершаем ошибки толкования сути событий и вещей. В быту поверхностная ясность может привести к пожару, травме или другой трагедии. В богословии и в духовной жизни подобное явление приводит к еще более серьезным последствиям. К сожалению, наше понимание соборности во многом страдает поверхностностью. Между тем в рамках церковного Предания соборность понимается как базовый принцип христианской жизни.

¹ «Церковь называется *единою, святою, соборною* (кафолическою и Вселенскою) и *апостольскою*; потому что она едина и свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности; потому что ею святятся все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или одна страна; потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов... что в Писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви» [Хомяков, 1886, 4].

Соборность как свойство бытия Лиц Святой Троицы

Главный православный догмат о Едином Боге в Трех Лицах отражает свойство соборности и «идеал совершенства» (см.: [Иустин Попович, 1926]). Лица Троицы, соборно пребывающие в «вечном движении любви» (κίνηθεις ἀχρόνως καὶ ἀγαπητικῶς) [Maximus Confessor. Scholia in lib. de divines nominibus, PG 4, 221 A], равночестны и составляют симметрию «по логосу взаимного устремления (взаимонаправленности, τῆς φεραλλήλιας), Отец — между Сыном и Всесвятым Духом, Сын — между Отцом и Всесвятым Духом, Святой же Дух — между Отцом и Сыном, и ни Один из Них не является крайним» [Μονιῶ, 2011, 348. 79–92]. В перихоретическом взаимо-обращении Божественным Лицам свойственно уступать Друг Другу, и в этом уступании каждое Лицо «существует в направлении к Другому»². Совершаются эти отношения через и посредством общей природы, таинственно являющейся «неотъемлемым обладанием» каждой из Трех Ипостасей [Софроний Сахаров, 2009, 309].

В соборности Святой Троицы, как «неизреченной тождественности» [Лосский В., 2006, 710] и согласии единства природы и многообразия Лиц, для всего творения запечатлен образ сокровенной ипостасно-природной жизни Самого Бога. В мистическом созерцании святых троичная соборность представляет собой центр, из которого и вокруг которого существуют и как бы «нанизываются концентричные круги» [Иустин Попович, 1926]: собор Небесных Сил, собор святых, собор верных, составляющие Небесную и земную Церковь.

Соборность Церкви как бытие по образу Святой Троицы

Подобно тому, как все человечество создано по образу Бога, Святая Церковь устроена для максимального уподобления в своем существовании образу бытия Святой Троицы. И как троичный догмат именовался о. Павлом Флоренским крестом для человеческого разума [Флоренский, 1914, 64; Лосский В., 1972, 38], так и соборность Церкви таинственна и апофатична. Таинство бытия человечества, верующего во Святую Троицу и вставшего на путь усыновления Богу-Троице, состоит в свидетельстве истины, открытой Церкви, и в устроении жизни согласно этой истине. И «две руки Отца» [Irenaeus Lugdunensis. Adversus haereses, PG 7. 1123; 454, 460: кн. 5. 1. 3; кн. 5. 5. 1], как говорил св. Иринеи Лионский, — Сын и Святой Дух, — посланные в мир, созидают Церковь и ведут человечество в истории.

Две руки Бога Отца — Сын Божий воплощенный, и Дух Святой, сошедший в виде огненных языков на апостолов, исполняют единое действие Святой Троицы. Сын Божий путем Воплощения восстанавливает раздробление, залечивает трещину, рану, возникшую в теле человечества в результате грехопадения и все более углубляющуюся с течением времени, и объединяет людей в Своей Церкви. Дух Святой в Церкви Христовой наделяет каждого даром, для него наиболее подходящим. Соборность в бытии Церкви можно передать поэтической фразой: «согласие в различии и богатство в единстве»!

Соборность как синтетическое свойство ипостаси Христа и усвоение ипостасного свойства синтетичности сотворенными личностями при содействии Ипостаси Святого Духа

Таинственна в своей соборности Личность Христа, в которой «неслитно» и «нераздельно» соединены Божество и человечество. Тайна соборного единства «двух естеств в одной Ипостаси» [Maximus Confessor. Epistola 12, PG 91. 484 A] Христа «непостижима и необъяснима, но реальна и свята, вечна и ощутима» [Иустин Попович,

² Вспомним здесь утраченный в синодальном переводе глубокий смысл предлога «к» в прологе Евангелия от Иоанна: «Слово было к Богу». См.: [Лосский В., 2000, 283].

1926]. Богочеловек инициировал и стимулирует доныне процесс синтеза нетварного и тварного в единый гармоничный собор. Именно Ипостась Второго Лица Святой Троицы есть источник той «всемогущей и всесовершенной соборной Силы», которая, посредством Церкви, предоставляет возможность для всего творения войти в соборное единство с своим Творцом [Иустин Попович, 2006, 501]. При этом домостроительство Христа отнюдь не тоталитарно, Он принципиально оставляет за нами свободу принятия или непринятия этого сверхъестественного, собирающего «всех и вся» синтеза.

В тварном мире к соборному бытию призваны ангелы и люди, как ипостасные существа, наделенные способностью свободного личного выбора и возможностью ипостасного усвоения дара церковного единства. В церковном соборе личность человека имеет возможность возрастать в таинственном единении со Христом, со всеми святыми и всеми членами Церкви, не теряя при этом, но актуализируя свою ипостасную уникальность и неповторимость³.

Достижение соборного принципа бытия тварными ипостасями происходит в процессе прежде всего внутренней, а не внешне-формальной «включенности»⁴ в жизнь Церкви, что сопровождается «воипостазированием» (см.: [Мефодий и Кирилл Зинковские, 2014]) нетварных энергий Бога, подаваемых через таинства Церкви и усваиваемых с помощью ипостаси Святого Духа, пребывающего в Церкви со дня Пятидесятницы.

Уместно вспомнить здесь аллегорию прп. Симеона Нового Богослова, сравнивающего человека в состоянии не-окафоличности⁵ с водостоком, в котором не может удержаться вода благодати Божией. Человек может находиться в церковном собрании, но не усваивать, не впитывать нетварную энергию Причастия, поскольку остается лично не «включенным»: «Жизнь осенила тебя, но не соединилась с тобою, живая вода прошла сквозь тебя, как через желоб твоей души, так как не нашла достойного себя приема» [Symeon Neotheologus. Orationes ethicae 14, 248–276, 276–278]. Евхаристические Тело и Кровь становятся для недостойных абсолютно неудержимыми (см.: [Василий Кривошеин, 1980, 106]). Об этом же говорит свт. Иоанн Златоуст, сравнивая недостойных причастников с «гробами нечистоты» [Иоанн Златоуст, 1901, 740].

Так и Иуда был несовместим, не-соборен, не собран в единство со Христом силою Его Духа, но вмещал в себя демонические мысли и чувства, находясь даже рядом со Христом, за Тайной Вечерей (см.: [Симеон Новый Богослов, 1917, 230]).

Путь к соборности через преодоление индивидуализма и эгоизма

При поверхностном понимании соборности мы можем ошибочно представлять себя частью Церкви, но каков в действительности вектор нашего личностного развития, зависит от нашего подвига преодоления эгоизма индивидуалистического бытия. Здесь принципиально важно наличие направленности личного произволения (греч. προαίρεσις) «к другому».

Человек о-соборивается, о-кафоличивается не каким-то одному ему ведомым путем, но через открытость к общению и слышанию Бога, Предания Церкви, святых отцов и духовных руководителей. Нам дана молитва «Отче **наш**» и дана Церковь как способ познания истины и жизни во Христе. Входя в Церковь, вращаясь в нее, все

³ «Уникальность личности актуализируется в творческом сочетании субъектной активности, учитывающей творческую и свободную природу окружающих и воспринимающих эту активность личностей, и субъектной восприимчивости, позволяющей инкорпорировать в личное бытие творческий потенциал иных личностей» [Мефодий Зинковский, 2014, 502].

⁴ Термин первоначально появился у Н. О. Лосского, в православной антропологии использовался прот. В. Зеньковским. См.: [Лосский Н., 1988, 23; Зеньковский, 1988, 73].

⁵ Хотя сами термины «соборный», «о-кафоличность» св. Симеон не применяет, но речь идет именно об опасности отсутствия подлинной «включенности» человека в sacramентальную жизнь Церкви.

более урезая свои субъективность, эгоизм, индивидуализм, мы постепенно познаем Истину. Подобные ограничения могут показаться ущемлением личности. Но именно через преодоление самости расцветает личность, достигается святость, ибо «нет полного расцвета личности вне единства природы» [Лосский В., 2006, 707].

Развитие личности совершается в процессе ее единения с Церковью. И это единение происходит прежде всего через окружающих нас в Церкви людей, нередко не очень «удобных» для нас. Как правило, человек, чуждый соборности, отделяется от других и замыкается в страхе или гордости, не достигая освящения и личностного роста и все более погружаясь в страдание и внутреннее одиночество. Окафоличивание, в свою очередь, означает актуализацию дарованного Богом церковного единства, но при этом «включение» жизни других в свою отнюдь не означает какого-либо тоталитаризма, обладания «для себя», безотносительно к свободе другого.

Соборность как способ обладания истиной и свойство принадлежности Церкви

Человек сам по себе не обладает полнотой истины. Также и истина не может быть отдана на «произвол индивидуального вдохновения», оставаясь во владении отдельных индивидуумов [Лосский В., 2006, 708], мыслящих, как им нравится. Обладание истиной принадлежит исключительно Церкви, «неотъемлемым свойством» которой является соборность [Лосский В., 2006, 701]. Потому соборность можно определить как свойство обладания истиной.

Соборность — это не только истина, содержащая тайну сообразности бытия человечества по образу Бога Троицы, но и «способ познания» этой истины [Лосский В., 2006, 704]. И, как способ познания истины, соборность не субъективна, поскольку это познание происходит внутри Церкви в нашем о-кафоличивании, о-христовлении и о-духотворении через «включенность» в жизнь Церкви.

Степень воцерковленности человека, глубина его принадлежности Церкви, очевидность для него истины православия отражаются на степени его соборности. Церковная соборность — это Предание Церкви, опытное знание, которое хранится всеми православными христианами. И в той мере, в которой человек воцерковился⁶, стал единым со Христом, вобрал в себя Дар Святого Духа, дал этим «двум рукам» Бога-Отца действовать в себе, научился входить в единение с окружающими, он становится причастником этого знания. Кафоличен тот, кто, преодолевая индивидуалистичный, надламывающий единство образ существования, своим личным произволением устремляется к отождествлению себя с Целым и, таким образом, становится все более прозрачным свидетелем и причастником истины, которую из века в век хранит Церковь [Лосский В., 2006, 709].

Нарушение принципов соборного единства Римо-Католической Церковью и Константинопольским патриархатом

История Церкви хранит примеры нарушения принципа соборности в ее жизни и вероучении. Глубинным нарушением соборного принципа стало добавление Римо-Католической Церковью вставки «Filioque» в Символ веры. Официально принятая в XI в. вставка «Filioque» искажала представления о соборности устройства внутритроичной жизни, умаляя ипостасность Святого Духа и разрушая догматическое учение о равночестности Лиц в соборном единстве. Догмат Filioque фактически упразднил Личность Духа Святого, сводя Ее к некоей энергии любви, действующей между Отцом и Сыном⁷.

⁶ Часто воцерковление мы понимаем как внешнее соблюдение обряда, например как присутствие на богослужениях, участие в таинствах. Это необходимые, но недостаточные условия.

⁷ «Святой Дух — Божественная любовь Отца и Сына» [Конрад, 1997].

Искажением римо-католической экклезиологии стало утвердившееся к XII в. учение о примате папы Римского, его особенной власти и месте в соборе епископов⁸. В этом учении прослеживается то же нарушение принципа соборности: аналогичным положению Бога Сына в Святой Троице в филиоквистской триадологии стало положение папы Римского в соборе епископов. Как Сын, наряду с Отцом, именуется второй Причиной исхождения Святого Духа, так и папа Римский — «высший епископ», согласно филиоквистской экклезиологии, сливаясь, схлопываясь в одну «личность», вплоть до неразличимости (см.: [Макаров, 2017, 61–62]), со Христом, ниспосылает благодать остальным епископам, «законно» претендуя тогда на первенство авторитета, а не чести.

Подобные искажения принципа соборности в триадологии и экклезиологии вызвали уже к XII в. активное развитие учения о соборности бытия Лиц Святой Троицы в греческом богословии. Троичная соборность понималась как догматические основания и образ «для учения о соборности всех епископов и всех верных во Христе» [Макаров, 2017, 29].

Нарушением принципа соборности стало также присвоение Римской Поместной Церковью наименования «католическая». Именуясь по географическому признаку, Римская, Московская, Александрийская, Иерусалимская, Константинопольская Поместные Церкви изначально входили в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. И если в бытии Лиц Святой Троицы нет и тени «субординации» [Софроний Сахаров, 1950, 17], то также должны исключать «какую-либо доминацию» и отношения Поместных Церквей, каждая из которых не менее соборна, чем другие (см.: [Кирилл Зинковский и др., 2023]). Попытка Римской Поместной Церкви узурпировать свойство соборности через усвоение себе именованная «Римо-Соборной» направлена против экклезиологического догмата соборности.

Обращаясь к реалиям современной жизни Православной Церкви, отметим, что, к сожалению, идеологию и действия Константинопольского патриархата в отношении к другим Поместным Церквям за последние десятилетия также нужно признать противоречащими принципу церковной соборности. «Вселенский» патриархат трактует свою вселенскость (см.: [Мефодий Зинковский, 2023]) отнюдь не в рамках пространства некогда великой византийской эйкумены, но именно вразрез с соборным принципом равночестности Поместных Церквей и их предстоятелей в едином церковном поле⁹.

Так, «узаконив» украинский раскол, патриарх Варфоломей «в одностороннем порядке принял решение, заведомо несущее в себе разделение, не уврачевание раскола, а еще большее его усугубление. И какие бы канонические и исторические причины ни приводились для оправдания», эти действия можно определить как антисоборные, поскольку «в них нет ни евангельского духа, ни братской любви, но есть единственно попытка утвердить свою власть и превосходство» [Кирилл Зинковский и др., 2023].

Различия идеалов современного мира с православным учением о соборности

Вслед за внутрицерковными отступлениями от соборного принципа существования естественно сказать о нарастающих тенденциях раз-кафоличивания, разлада в жизни все более секуляризирующегося мира. Приходится констатировать,

⁸ Полемика с учением о примате папы уже отражена в трудах современников этого явления, например, у Никиты Никомидийского и Иоанна Каматира. См.: [Макаров, 2017].

⁹ Одним из ведущих идеологов первенства Константинопольской Поместной Церкви в соборе Церквей является недавно почивший митр. Иоанн (Зизиюлас; 1931–2023), для триадологии которого характерно пренебрежение сущностным аспектом бытия. Свою идеологию первенства Константинополя, противоречащую идеалам церковной соборности, он пытается обосновать своеобразной интерпретацией учения о «монархии» Бога Отца в Троице. См.: [Иоанн Зизиюлас, 2006; 2012, 145–198].

что современный мир, все более совершенствуясь в научно-техническом развитии, все дальше отступает от идеалов богообразной соборности, которые отражаются на повседневном личном, семейном, общественном и политическом уровнях. Независимо от того, верует ли человек в Бога или нет, думает он о духовной метафизике бытия или нет, он, тем не менее, не может безвредно противоречить той матрице бытия, которая «вшита» в этот мир при его создании.

Отдельный человек в современной действительности, как правило, рассматривается как атом, индивидуум, имеющий отдельную от других индивидуумов природу. Подобное мировоззрение культивируется западной «цивилизацией». Но неизбежным, по сути, следствием таковой идеологии и соответствующей ей практики страдание и внутреннее одиночество как основные состояния человека, движущегося от соборного образа существования к эгоистическому, становятся в нем наиболее устойчивыми.

Тенденции к антисоборному образу жизни в современном обществе нарастают. Жизнь индивидуумов в мире техногенного развития и научно-технического прогресса по большей части строится на принципе выгоды, подчинения себе других, деления на самом деле неделимого поля общей природы.

Человеческая личность в современной общественной действительности рассматривается прежде всего с точки зрения «ее экономической эффективности» [Резниченко] как способности производства и потребления материальных благ. Экономическая эффективность организует все сферы деятельности человека, перестраивая нормы и ценности. В мире потребления становится невыгодным существование семьи как традиционной ячейки общества и источника культурных традиций, система образования рассматривается как институт предоставления и потребления услуг. Цель жизни сводится к выживанию в жестких условиях конкуренции.

Жизненные нормы, формируемые христианским мировоззрением на протяжении двух последних тысячелетий, все более слабеют в сознании современного человека. В качестве антагонизмов институтам семьи и школы, основанным на идеалах соборности, образуются небольшие, но достаточно влиятельные группы — т.н. меньшинства или субкультуры, стремящиеся к идеологическому и физическому контролю над окружающими людьми. Как правило, идеология меньшинств находится за пределами общественного культурного контекста. Современной эпохе модерна и постмодерна свойственна пропаганда маргинальных состояний и извращенных норм, таких как жизнь в виртуальной реальности, бездетность, одиночество, нравственная распущенность, нетрадиционная половая ориентация, эстетизация ужасов и насилия, стремление к разного рода наслаждениям как «выход» в особые состояния, и, как следствие, отрицание культурных ценностей, собственной личности, а в «жестком» варианте — и собственной жизни, чем объясняется возросшее количество попыток суицида. Происходящая замена норм антинормами способствует нравственному и физическому вырождению отдельных членов общества и человечества в целом.

Аксиологию среднестатистического современного человека отличает размытость, множественное понимание истин и смыслов жизни, что приводит к некоторой «потерянности» в окружающем мире, где наряду ростом комфорта неизмеримо быстрее возрастает и утрата жизненных смыслов. Эта утрата, как правило, сопровождается попытками забыть о смерти как неизбежной завершающей точке земного бытия. Память смертная, важная составляющая христианского мировоззрения, ныне старательно нивелируется через распространение фильмов и компьютерных игр в смерть. Перейдя в виртуальную действительность, смерть, казалось бы, теряет онтологический статус, но это только усиливает страх и одиночество человека.

Смещение действительной и виртуальной реальности приводит к потере жизненных границ и связей с окружающими людьми, которые видятся совершенно чуждыми. Мир воспринимается как хаос, Бог же, в христианской картине мира содержащий и объединяющий творение, в мировоззрении современной эпохи либо устраняется, либо воспринимается вне связи с миром.

В противовес таким состояниям личность в церковном полиипостасном единстве может постепенно кенотически преодолевать «закон греха и смерти» (Рим 8:2) через актуализацию соборного принципа бытия во Христе. Это преодоление, по вере и упованию нашим, достигнет своего предела в воскресении: «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» (11 и 12 чл. Символа веры).

Заключение

Мы рассмотрели свойство соборности как уникальный образ бытия, заданный человечеству Святой Троицей.

В первую очередь соборность является свойством Православной Церкви и основой христианской жизни. К соборному образу бытия призвана Церковь и каждая человеческая личность. Соборность таинственна и ипостасна, и, как свойство и образ бытия уникальных Лиц в единой природе, она не может полноценно рассматриваться вне координат ипостасно-природной онтологии. В жизни каждой человеческой личности соборность реализуется как внутренняя «включенность» в жизнь Церкви через «воипостазирование» Божественных энергий. Путь к соборности лежит через преодоление индивидуализма и эгоизма. Как способ обладания истиной, соборность является и способом познания этой истины, а также верным признаком принадлежности личности к Церкви.

Основываясь на православном учении о соборности Церкви, мы коснулись нарушения принципов соборного единства Римо-Католической Церковью в исторической перспективе и Константинопольским патриархатом в современной исторической обстановке. Также мы проанализировали некоторые аспекты соборности применительно к таким реалиям современной человеческой жизни, как познание истины, понимание смысла и принципов существования, преодоление эгоизма, индивидуализма, страдания и одиночества.

Отступление человека от Божественного образа бытия, впервые происшедшее в грехопадении праотцев, в современном мире все более увеличивается. Человек, теряя подлинные смысловые ориентиры, в движении к смерти становится все более несчастным и одиноким. Но каждый из рода Адамова наделен Божественным призыванием услышать в себе вечную жизнь, ощутить единство со всяким человеком и встать на путь возвращения к идеалам соборности.

Источники и литература

1. Василий Кривошеин (1980) — *Василий (Кривошеин), архиеп.* Преподобный Симеон Новый Богослов. Париж: YMCA-Press, 1980.
2. Зеньковский (1988) — *Зеньковский В., прот.* Принципы православной антропологии // Вестник РХД. Париж; Нью-Йорк; М., 1988. II. № 153. С. 5–91.
3. Иоанн Зизиулас (2012) — *Иоанн (Зизиулас), митр.* Общение и инаковость: новые очерки о личности и церкви. М.: Библиейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2012.
4. Иоанн Зизиулас (2006) — *Иоанн (Зизиулас), митр.* Современные дискуссии о первенстве в православном богословии // Петрово служение. Диалог католиков и православных. М.: Библиейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2006. С. 257–276.
5. Иоанн Златоуст (1901) — *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на святого Матфея. Беседа 73. (Мф. 23:14) // Творения отца нашего, свт. Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского в русском переводе: в 12 т. СПб.: СПбДА, 1898–1906. Т. 7. Ч. 2. 1901. С. 735–744.
6. Иустин Попович (1926) — *Иустин (Попович), прп.* Призвание священника — быть кратким Евангелием Церкви / Пер. с сербского Е. Антоновой // Христианская жизнь. 1926. №№ 7–9. URL: <http://www.pkrest.ru/n-46/46-9.html> (дата обращения: 10.09.2023).

7. Иустин Попович (2006) — *Иустин (Попович), прп.* Свойства Церкви // Собрание творений преподобного Иустина (Поповича): в 4 т. Т. 3: Догматика Православной Церкви. Сотериология. Экклесиология. М.: Паломник, 2006. С. 479–517.
8. Кирилл Зинковский и др. (2023) — *Кирилл (Зинковский), иером., Мефодий (Зинковский), иером., Варнава (Снытко), иером.* Архимандрит Софроний (Сахаров) о ереси константинопольского нео-папизма в свете православной триадологии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_I_Mefodij_Zinkovskie/arhimandrit-sofronij-saharov-o-eresi-konstantinopolskogo-neo-papizma-v-svete-pravoslavnoj-triadologii/ (дата обращения: 11.09.2023).
9. Конрад (1997) — *Конрад Р.* Вера Католической Церкви / Пер. Н. Трауберг. Киев: Кайрос, 1997. URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/260/77/index.htm> (дата обращения: 10.09.2023).
10. Лосский В. (2000) — *Лосский В. Н.* Искупление и обожение // *Лосский В. Н.* Богословие и Боговидение. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2000. С. 273–288.
11. Лосский В. (2006) — *Лосский В. Н.* О третьем свойстве Церкви // *Лосский В. Н.* Боговидение / Пер. с фр. В. А. Решиковой; Сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. М.: АСТ, 2006. С. 698–710.
12. Лосский В. (1972) — *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Богословские труды. М., 1972. № 8. 9–128.
13. Лосский Н. (1938) — *Лосский Н. О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Париж: YMCA-Press, 1938.
14. Макаров (2017) — *Макаров Д. И.* Паламизм до святителя Григория Паламы, спор о филиокве и примат папы в византийской экклесиологии XII–XIV вв.: некоторые наблюдения / Отв. ред. Д. С. Бирюков. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017.
15. Мефодий Зинковский (2023) — *Мефодий (Зинковский), иером.* Понятие автокефалии: исторический контекст и современные коннотации // Платоновские чтения: сборник материалов. Москва: Издательство Перервинской духовной семинарии. 2022. № 19. С. 23–33.
16. Мефодий и Кирилл Зинковские (2014) — *Мефодий (Зинковский), иером., Кирилл (Зинковский), иером.* Термин «ἐνυλόστατον»: историческое значение и употребление в современном богословии // Церковь и время. 2014. № 2 (67). С. 51–85.
17. Мефодий Зинковский (2014) — *Мефодий (Зинковский), иером.* Православное богословие личности: истоки, современность, перспективы развития: Дис. ... докт. богословия. М.: СПб., 2014.
18. Резниченко — *Резниченко С. (Васильев И. Ю.)* Постмодерн как цивилизационный суицид. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=31348> (дата обращения: 10.09.2023).
19. Симеон Новый Богослов (1917) — *Симеон Новый Богослов, прп.* Гимн 50. Общее наставление // Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Вступ. ст. [иеромонаха Пантелеимона, с. I–XXXII], предисл. к гимнам ученика прп. Симеона Никиты Стифата / Пер. с греч. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1917. С. 226–237.
20. Софроний Сахаров (2009) — *Софроний (Сахаров), архим.* Видеть Бога, как Он есть. М., Эссекс: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Свято-Иоанно-Предтеченский м-рь, 2009.
21. Софроний Сахаров (1950) — *Софроний (Сахаров), иером.* Единство Церкви по образу Единства Святой Троицы (Православная Триадология как основа Православной Экклесиологии) // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1950. № 2–3. С. 8–32.
22. Флоренский (1914) — *Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение истины. М.: Путь, 1914.
23. Хомяков (1886) — *Хомяков А. С.* Церковь одна (Опыт катехизического изложения о Церкви) // *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: В Университетской типографии; М. Катков, 1886. Т. 2. С. 1–26.
24. Хоружий (2002) — *Хоружий С. С.* Алексей Хомяков: учение о соборности и Церкви // Богословские труды. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2002. № 37. С. 153–179.
25. Irenaeus Lugdunensis. Adversus haereses libri quinque (1857) — *S. Irenaeus Lugdunensis, Episc.* Adversus haereses libri quinque // J.-P. Migne (ed.). Patrologiae cursus completus (series Graeca, далее — PG): en 161 t. Paris, 1857–1866. Vol. 7a: 438–1225 [= *Иринея Лионский, сщмч.* Против

ересей // *Иринеѣ Лионскѣй, сѣмч.* Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. СПб.: Олег Абышко, 2008].

26. Maximus Confessor. Epistolae (1863) — *S. Maximus Confessor. Epistolae* // PG 91: 362–650.

27. Maximus Confessor. Scholia in lib. de divines nominibus (1857) — *S. Maximus Confessor. Scholia in lib. de divines nominibus*. PG 4: 13–577.

28. Μονιοῦ (2011) — *Μονιοῦ Δ. Ι. Γεώργιος Μοσχάμπαρ. Ενας ανθενωτικός θεολόγος της πρώιμης παλαιολόγειας περιόδου. Βίος και ἔργο.* Αθήνα, 2011. Σ. 281–455.

29. Symeon Neotheologus. Orationes ethicae 14 (1966, 1967) — *S. Symeon Neotheologus Poeta et Theol. Orationes ethicae 14* // *Syméon le Nouveau Théologien. Traités théologiques et éthiques* / J. Darrouzès (ed.). [Sources chrétiennes 122, 129. Paris: Éditions du Cerf, 1966, 1967]: 1: 170–440; 2: 8–458.